

Глава 12

Той ночью

Поймав на себе взгляд Гу Чжи, Цао Ан не стал отводить глаза. Он смотрел в ответ несколько мгновений, а затем сам улыбнулся ему с виноватым видом.

Это чувство вины было искренним и открытым, ясно давая понять, о чём старший молодой господин только что подумал и что сожалеет об этом. Очевидно, когда Сюнь Юй произнёс слова «сговор изнутри и снаружи», Цао Ан действительно первым делом подумал о Гу Чжи и усомнился в его верности.

Но это сомнение продлилось лишь несколько мгновений и развеялось, стоило им встретиться взглядами.

Юноша первым отвёл глаза и, словно его это не касалось, пошёл поодаль от основной группы.

Такая прямолинейная и благородная подозрительность, как у Цзысю, обезоруживала. Гу Чжи не нашёл, что сказать, и даже не смог разозлиться.

Сюнь Юй со своими людьми стоял на юго-востоке, как раз между Гу Чжи и Цао Аном. Несмотря на расстояние, угол обзора позволял ему ясно видеть все изменения в выражениях их лиц.

Он невозмутимо смотрел прямо перед собой, словно не заметив этой короткой, странной сцены, и не стал больше ничего советовать молодому господину.

Маленький А Ни, казалось, был очень чувствителен к атмосфере. Хоть он и не понимал, что происходит, но, повинаясь интуиции, незаметно подобрался поближе к брату.

Заметив подкравшийся сбоку комочек, старший молодой господин слегка замедлил шаг.

В следующее мгновение маленькая, вороватая ручка ухватила его за пояс.

Цао Ан покосился на младшего брата и увидел, что тот украдкой поглядывает на юношу.

Вопрос, который он хотел задать, так и остался невысказанным.

Гу Чжи, братья Цао со своей охраной и Сюнь Юй со своей свитой — три группы медленно продвигались вперёд в тихой и несколько странной атмосфере, пока не достигли временного жилища семьи Цао.

Большую часть своей свиты господин Сюнь оставил снаружи, доверив их охране, а сам вошёл лишь с двумя сопровождающими.

Войдя во двор, он сразу заметил слишком плотно стоящие друг к другу постройки.

Сюнь Юй на миг остановился, но на его лице не отразилось ни малейшего удивления.

— Прощу прощения, господа, я вас покину.

Войдя в передний двор, Гу Чжи бросил эту фразу и направился напрямик к главному дому в восточной части.

Взгляд Сюнь Вэньжо проследовал за ним и остановился на окне, сплошь забранном деревянными прутьями, словно в тюремной клетке.

— ...?

Даже выдавший виды учёный был поражён этими вертикальными брусьями. Его взгляд на мгновение застыл.

Всегда прямодушный Цао Ан вдруг почувствовал необъяснимую неловкость.

Словно боясь, что Сюнь Юй неправильно его поймёт и решит, что они унижают гостя, молодой господин поспешно объяснил:

— Это было требование господина... молодого господина Гу.

Слова прозвучали неубедительно. Даже маленький А Ни бросил на него недоверчивый взгляд.

«Кто в здравом уме добровольно превратит свою спальню в тюрьму?»

Правда это или нет, но сопровождающие гостя теперь смотрели на Гу Чжи со скрытым удивлением.

Лишь Сюнь Вэньжо и юноша оставались совершенно спокойны.

Господин Сюнь не стал сомневаться в словах Цао Ана. Он проводил Гу Чжи взглядом до самой комнаты и мягко поблагодарил:

— Благодарю учёного-отшельника за помощь.

Гу Чжи не обернулся.

— Я никогда не помогал вам, так за что благодарить?

Он толкнул дверь.

Бум! Бум!

Деревянные прутья, вертикально вставленные в оконную раму, с треском посыпались на землю.

Временно установленные для создания тюремного антуража, некачественные брусья развалились от одного лишь движения двери.

Прямоугольное окно зияло пустой, тёмной дырой, словно разинутая пасть злобно хохочущего зверя.

Во дворе никто не смеялся. Все молча смотрели на разбросанные по земле прутья, включая хозяина дома.

Гу Чжи с невозмутимым видом подобрал брусья, затем поднял с земли камень размером с ладонь и, встав у окна, принялся чинить решётку.

Движения его не были ни неуклюжими, ни хаотичными.

Словно он когда-то работал плотником.

— Господин, войдите в дом, отдохните, — тут же сказал Цао Ан. — Я сейчас позову людей, чтобы...

Но юноша, стоя к нему спиной, уже вставил один брус на место.

Он свободной рукой небрежно махнул у шеи, отказываясь от помощи.

Затем опустил глаза, собираясь взять следующий прут.

В поле его зрения появилась длинная, белая рука с тонкими мозолями на подушечках пальцев и у основания большого пальца. На широкой ладони ровно лежал деревянный брус, протянутый ему.

Подняв взгляд выше, он увидел лицо, прекрасное, как нефрит, и стройное, как сосна — лицо, способное ослепить своей красотой.

Даже после того, как Гу Чжи уже был поражён при первой встрече у городских ворот, вблизи этот эффект лишь усилился.

— ...Благодарю, — он взял брус и продолжить стучать по оконной раме.

Сюнь Юй слегка кивнул ему, не говоря ни слова.

Цао Ан замолчал и стал наблюдать. Он думал, что Вэньжо останется и будет помогать чинить решётку до конца, но, к его удивлению, тот, подав один брус, вернулся на своё место.

— Я слышал, генерал Цао ранен... Я хотел бы передать ему несколько слов, не знаю, удобно ли это?

Старший молодой господин смекнул, что эти «несколько слов», вероятно, не простое выражение сочувствия, и изменил планы.

— Отец мой крайне огорчён, что из-за травмы не смог лично встретить вас, и теперь не может уснуть. Если у вас есть время, не желаете ли пройти со мной в его покои и немного посидеть?

А Ни, который тайком наблюдал за починкой окна, услышав это, удивлённо моргнул.

«Разве не нужно было просто передать несколько слов? Зачем приглашать его в покои отца? Уже так поздно...»

Он ждал, что благородный господин вежливо откажется, но вместо этого услышал совершенно непринуждённое согласие.

— Так и следует поступить.

А Ни растерянно моргнул, огляделся и увидел, как его брат и гость из семьи Сюнь спокойно смотрят друг на друга, словно достигнув некоего молчаливого соглашения.

В следующий миг Цао Ан обернулся и с тем самым знакомым, насмешливым выражением, произнёс:

— Уже поздно, ты почему ещё не идёшь отдыхать?

Всё ещё помня ощущение большой руки, сжимавшей его голову, А Ни вздрогнул и вмиг убежал

прочь.

Когда мальчик скрылся, стук прекратился.

Цао Ан посмотрел на восточный флигель и увидел, что окно в спальне Гу Чжи уже отремонтировано. Десять деревянных брусьев толщиной в запястье ровно стояли в раме, даже прямее, чем раньше.

Теперь это ещё больше походило на настоящую тюрьму.

Глядя на худую фигуру у двери, молодой господин хотел что-то сказать, но увидел, что юноша уже вошёл в дом с камнем в руке, и дверь безжалостно захлопнулась.

Какой-то голос внутри него тихо вздохнул. Скрыв свои чувства, он пригласил Сюнь Юя в главный двор.

— Прошу вас, следуйте за мной.

Семья Цао привыкла жить скромно, к тому же в военное время припасов было мало, поэтому в огромном дворе горело всего два фонаря.

Они пересекли внутренний двор и пошли по усыпанной гравием дорожке к галерее.

В темноте ночная тишина казалась густой и холодной. Пронизывающий ветер был подобен ледяному дыханию призрака, притаившегося за плечами.

Старший молодой господин невольно вспомнил несколько историй о нечисти, и волоски на его шее встали дыбом. Чтобы отогнать дурные мысли, ему пришлось завести разговор.

— Я думал, что наши плотники починят дом для командира Гу, но не ожидал, что он сам владеет этим ремеслом.

— Командира отделения?

— Да, это молодой господин Гу. Он служил в армии в чине командира отделения.

Командир отделения, управляющий десятью солдатами — незначительный чин в армии.

Сюнь Юй вспомнил стремительные движения юноши и его необычный характер, и его мысли снова вернулись к странному окну.

У него были вопросы, но он не стал их задавать.

— Возможно...

Цао Ан повернул голову к собеседнику.

Но тот не стал продолжать.

Он опустил глаза и как ни в чём не бывало заговорил о другом:

— Кажется, он не в духе и не желает, чтобы к нему приближались.

«Как он это понял?» — Цао Ан удивился.

«Неужели в тот момент?»

Но ведь юноша не выказал ни отвращения, ни нетерпения.

Не успели они дойти, как прибыли к покоям Цао Цао.

Цао Ан проводил господина Сюня взглядом до двери, но сам входить не стал.

Из комнаты доносились обрывки фраз.

После недолгого обмена приветствиями он услышал знакомый, мягкий голос:

— Если генерал желает обернуть их план против них самих, нужно вычислить шпиона. Сегодня ночью несколько человек вели себя подозрительно...

Цао Ан, собиравшийся уходить, замер на месте.

«Обернуть их план против них самих».

Он плотнее закутался в свой тёмно-бирюзовый плащ и выдохнул облачко пара в прохладный ночной воздух.

«Неужели Сюнь Вэньжо с самого начала догадался... что его отец не был ранен?»

Починив решётку, Гу Чжи вернулся в комнату, опустил подпорку и закрыл ставень.

Осенняя ночь была прохладной. Не зажигая огня, юноша умылся из таза, повесил верхнюю одежду на деревянную вешалку и, завернувшись в одеяло, превратился в маленький кокон.

Кокон немного покрутился, и сверху показалась голова.

Гу Чжи уткнулся лбом в холщовую подушку.

Этот Цянь Сы, давший на глазах у всех ложную клятву, пробудил в нём очень неприятные воспоминания.

Терпение тоже иссякло.

«Скучно»

«Везде одно и то же»

Кокон перевернулся. Юноша лёг на спину и закрыл глаза, пытаясь уснуть.

Звукоизоляция в этой комнате была почти никакой, как и в приёмной Цао Цао.

К счастью, была ночь, и вокруг было тихо. Лишь изредка откуда-то доносился собачий лай, нарушавший мёртвую, застывшую тишину.

Пролежав неизвестно сколько, он снова открыл глаза и уставился в непроглядную темноту потолка.

«Слишком рано. Сейчас час Сюй, по-современному — около восьми вечера. Я никогда не ложился так рано»

Даже если тело, подчиняясь биологическим часам, требовало сна, разум оставался бодрым.

От этой мысли стало ещё досаднее.

В этом мире даже нет мобильных телефонов.

От нечего делать Гу Чжи начал перебирать в уме воспоминания прежнего владельца тела, пытаясь их упорядочить.

Но они были настолько обрывочными и хаотичными, что даже после тщательного анализа оставались туманными.

Например, все его знакомые из прошлого — будь то враги или родные — представляли в его сознании лишь размытыми силуэтами.

Лица в его памяти были даже более гладкими, чем лысина одного небезызвестного Героя в плаще.

Он даже начал сомневаться, не были ли воспоминания прежнего владельца просто сном. Сном, после пробуждения от которого невозможно вспомнить лица.

Незаметно собачий лай стих.

Навалилась густая сонливость. В самый последний момент, уже проваливаясь в сон, Гу Чжи услышал едва различимый, почти неслышный звук шагов.

Он резко открыл глаза и сосредоточил всё своё внимание на потолочных балках.

На крыше кто-то был.

<http://bllate.org/book/15998/1472456>